

Олег Усенко,
кандидат исторических наук

БРОДЯЧИЕ ДЕТИ ВТОРОГО РОМАНОВА
*Галерея лжемонархов от Смуты до Павла I**

Во второй половине XVII века, в продолжительное царствование Алексея Михайловича (1645–1676) вновь завелась на Руси мода именоваться царским сыном. Монарх давно восседал на троне, и в народе верили, что опальный царский сын может объявиться среди простого народа и улучшить привычную жизнь...

22. «Царевич Алексей, сын царя Алексея Михайловича»
[август? 1670 – перед 6 июня? 1671]

Этот самозванец – один из немногих, кто после 1613 года принял участие в активных выступлениях социального протеста. Он был соратником Степана Разина. Помимо этого о лжецаревиче мы знаем лишь то, что он был, вероятно, российским подданным, восточным славянином (русским или украинцем), православным и – на момент «проявления» – бродягой. Однако историки так и не пришли к единому мнению относительно того, кем был самозванец на самом деле, когда точно и как он «проявился», сколь долго пребывал среди разинцев и что с ним случилось после их разгрома.

Тем не менее можно полагать, что его самозванство обусловлено в значительной степени теми же обстоятельствами, которые подтолкнули Разина, донских казаков и «голытьбу» к восстанию.

Поводом для их мятежа был слух о боярском заговоре против царя. С марта 1669 по январь 1670 года умерли царица Мария Ильинична Милославская и два царевича – наследник престола 16-летний Алексей и 4-летний Симеон. В народе прошёл слух, что их отравили придворные из бояр. Разин поверил в это и объявил себя мстителем за старшего царевича и защитником самого монарха. О том, что царь нуждается в защите, Степан Тимофеевич говорил на кругу под Паншиным городком в апреле 1670 года, и как раз тогда из его уст впервые прозвучал призыв «итти в Русь против государевых неприятелей и изменников».

Главным лозунгом восставших неизменно был призыв «стоять за великого государя». При этом повстанцы были уверены, что Разин ведёт их на Москву не по собственной прихоти, а «по государеву указу». Да и сам предводитель, судя по всему, был тоже в этом уверен. Дело в том, что весной 1670 года на Дон привезли фальшивую царскую грамоту, которую Разин и его соратники приняли как настоящую и в которой обнаружили просьбу-приказ отправиться к царю «на службу, потому что у него, великого государя, царевичев не стала и от них, изменников бояр». Этот указ мог быть прислан вместе с письмом, написанным якобы лично патриархом Никоном. Повстанцы позднее говорили: «Никон де патриарх к Стеньке Разину на Дон писал, чтобы он, Стенька, собрался с воровскими казаками, шол на бояр к Москве, а ево де, Никона, бояря согнали с Москвы напрасно».

Примерно в начале августа 1670-го, когда повстанческое войско от Самары по Волге двигалось к Симбирску, перед Разиным и «проявился» самозванный царский сын. Многие историки полагают, что инициатором «проявления», а значит, главным обманщиком был Разин. Однако наиболее вероятно, что самозванец предстал перед ним и его соратниками по собственной инициативе и ввёл их в заблуждение, заставив поверить, что к ним пришёл подлинный царевич Алексей.

Задумаемся: если толчком к восстанию послужило известие о смерти царевича, если восставшие против царя не выступали, то как же Разин и его сподвижники могли надеяться на собственное благополучие и при этом лгать, утверждая, будто царевич жив и находится у них? Ведь в случае успеха им пришлось бы держать ответ перед царём за столь кощунственный обман.

К тому же очевидно: если бы разинцы использовали имя

* Продолжение. Начало см.: Родина. 2006. № 6, 7.

[с. 60]

старшего царевича лишь для получения поддержки в народе, то они с самого начала заявили бы о чудесном спасении наследника престола и о своём союзе с ним. Но первые заявления подобного рода датируются концом августа 1670 года.

В это же время у восставших появился и новый боевой клич – «Нечай!». Анонимный автор исторического очерка, написанного за границей в 1671 году, сообщает на сей счёт вот что: «Девизом их было слово «нечай»..., т. е. нечаянный, сие было намёком на то, что царевич Алексей Алексеевич как бы сошёл к ним с неба нежданно-негаданно». С этим сообщением согласуется тот факт, что в октябре 1670-го в Нижегородском уезде повстанцы говорили крестьянам: «А то де у нас и ясак «нечай», что вы не чаєте царевича, и вы де чайте».

Теперь обратим внимание на поведение Разина вскоре после встречи с «чудесно спасшимся наследником престола». Первой реакцией лидера повстанцев на «проявление» было не только недоверие, но и рукоприкладство. В середине XVIII века по стране ещё ходило предание о том, что «разбойник Стенка Разин з государем... вместе воровал и будто оной Стенка того государя бил и за волосы драл». Вряд ли тут имелось в виду, что главарь мятежников унижал самозванца постоянно, – тогда он просто не мог бы привлекать к себе людей, ведь они должны были верить, что служат настоящему царевичу.

Весьма вероятно, что Разин потребовал от «Алексея Алексеевича» доказательств его «подлинности» и получил их. К такому предположению подталкивает не только логика, но и следующий факт. В конце августа – начале сентября 1670 года среди восставших находился некий «старец от Никона». Посланник передал Разину, «чтоб ему итти вверх Волгою, а он, Никон, с свою сторону пойдёт для того, что ему тошно от бояр; да бояря же переводят государские семена». Глава повстанцев под Симбирском устроил посланцу проверку кровью: «И тот старец на бою был, исколол своими руками сына боярского при нём, Стеньке».

В конце концов и сам Разин, и его окружение, и рядовые повстанцы поверили в то, что среди них на самом деле находится наследник престола. Отсюда вполне понятен оптимизм Степана Тимофеевича, который даже после ареста, когда его везли в Москву, «был обольщаем надеждой, что будет говорить с самим великим государем и перед ним изустно защитит дело своё: Стеньке всегда казалось, что ему многое что надобно сказать государю, а тому важно сие знать».

После «проявления» самозванца разинцы начали приводить население подконтрольных им территорий к присяге на верность. Причём, с точки зрения восставших, эта присяга и готовность служить царевичу Алексею отнюдь не отменяли обязательств по отношению к его отцу. Наоборот, отказ от присяги служил формальным доказательством «измены» самому государю.

Почёт и уважение Лжеалексею мятежники воздавали и другими способами. В их флоте было два особых судна: одно предназначалось для патриарха Никона, другое для самозванца. Согласно анонимному очерку 1671 года, первое судно «было всё выложено изнутри чёрным бархатом», а второе «красным бархатом, и Стенька известил всех, что на судне том

находится... царевич Алексей Алексеевич... С превеликой дерзостью Стенька объявил, будто царевич жив и бежал к нему».

Правда, затем в очерке сообщается, будто бы Разин держал «на судне том отрока лет 16, потомка одного из пятигорских черкесских князей, которого захватил в плен, когда прежде разбойничал. Сей юный князь получил теперь прощение от великого государя, ибо принуждаем был силою выдавать себя за высокую особу; и ныне проживает он в Москве...».

Утверждение, что роль царевича вынужденно играл пленный черкесский княжич, не выдерживает критики.

Во-первых, о подлоге обязательно стало бы известно – например, от участников пленения княжича (ведь о самом пленении мы всё-таки знаем). Следовательно, рано или поздно махинация Разина, будь она вообще, непременно получила бы огласку. Правительство уж точно не преминуло бы воспользоваться такой важной информацией для дискредитации восставших. Однако никаких разоблачений источники не содержат: правительство не знало, кем был самозванец.

Во-вторых, можно, конечно, допустить, что разинцы, захватившие в плен черкесского княжича, получили приказ молчать, когда их руководитель решил выдать пленника за царевича Алексея. Но в таком случае перед нами ситуация, когда простолюдины поддерживают явного самозванца в расчёте использовать его для достижения каких-то личных целей. Между тем анализ российского самозванчества XVII–XVIII столетий показывает, что подобное было невозможно – даже ближайшее окружение лжемонархов должно было верить в их «подлинность», иначе самозванцы теряли поддержку¹.

В-третьих, нельзя признать удачной попытку историков отождествить «юного князя» с Андреем Черкасским, сыном кабардинского мурзы Камбулата Пшимаховича. Действительно, Андрей был взят в плен разинцами, но это произошло при захвате Астрахани в конце июня 1670 года. Цитированный же источник сообщает, что княжич был захвачен, когда Разин «прежде разбойничал», то есть, надо полагать, во время персидского похода 1667–1669 годов. А главное – в тексте упоминается, что «юный князь» получил прощение от царя. Однако известно, что 6 июня 1671 года вслед за главарём восставших казнили «молодого человека, которого Стенька Разин выдавал за старшего царевича».

Не выдерживает критики и утверждение, будто Лжеалексеем был разинский атаман Максим Осипов. Дело в том, что он был схвачен уже после казни самозванного царевича – в июле 1671 года.

Остаётся добавить, что, по всей видимости, Лжеалексей был схвачен после 4 октября 1670 года – после разгрома повстанческого войска под Симбирском и бегства раненого Разина с небольшой группой казаков на Дон. В Москве на следствии «царевич», скорее всего, отказался от мифической ипостаси, но когда это произошло и что он показал – неизвестно, так как материалы следствия не сохранились.

Источники

РГАДА. Ф. 7. Оп. 3. К. 344. Д. 792. Л. 2.

Записки иностранцев о восстании Степана Разина. Л. 1968. С. 111, 113, 118, 123. Прим. 19.

Иностранные известия о восстании Степана Разина. Л. 1975. С. 66–67, 70, 121, 123.

Койэт Б. Посольство Кунраада фан-Кленка к царям Алексею Михайловичу и Фёдору Алексеевичу. СПб. 1900. С. 446.

Крестьянская война под предводительством Степана Разина. М. 1954. Т. 1. С. 183, 235, 252–253, 279–280; М. 1957. Т. 2. Ч. 1. С. 31, 44, 52, 65, 91, 141, 149, 203, 214, 341; М. 1959. Т. 2. Ч. 2. С. 20, 36, 74; М. 1962. Т. 3. С. 79, 81, 86, 258, 356.

Литература

Лебедев В. И. Крестьянская война под предводительством Степана Разина: 1667–1671 гг. М. 1955. С. 97.

Смирнов И. И. и др. Крестьянские войны в России XVII–XVIII вв. М.; Л. 1966. С. 140.

Троицкий С. М. Самозванцы в России XVII–XVIII веков // Вопросы истории. 1969. № 3. С. 139.
Усенко О. Г. Об отношении народных масс к царю Алексею Михайловичу // Царь и общество в русском общественном сознании. М., 1999. С. 84–88.

**23. «Царевич Алексей, сын царя Алексея Михайловича»
[1/12 августа – 2/11 октября 1671] – Иван Алексеев сын Клеопин**

Этот самозванец был российским подданным, православным и, видимо, русским. Родился он примерно в конце 1648 или первой половине 1649 года. Местом его рождения и крещения был отцовский дом в поместном сельце Засапинье (Новгородский уезд, Бежецкая пятина, Телбовский погост), до которого от Великого Новгорода было «триста вёрст с лишком».

Отец будущего самозванца – дворянин («сын боярский») Алексей Кириллов сын Клеопин, по его собственным словам, служил царю Алексею Михайловичу «многие годы... а братья де ево родные и сродичи многие на государевых службах побиты». Хотя у него, помимо указанного поместья, была вотчина во Псковском уезде, он относился к мелким феодалам.

Накануне «проявления» ближайшими родственниками лжецаревича были также мать Марья, братья Никита, Степан, Богдан, Панкратий, Гаврила и дядя по отцу Фёдор.

Своё детство Иван провёл, судя по всему, в Телбовском погосте. Там же он получил начальное образование – с помощью местного дьячка (в будущем попа) выучился читать и писать.

Когда Ивану Клеопину исполнилось лет 15–16, его призвали на военную службу в составе уездного дворянского ополчения. Примерно в 1665 году вместе с другими новгородскими дворянами его отправили на границу с Речью Посполитой – в Динабург², но осенью 1666 года он уже был дома.

Видимо, его отстранили от службы по состоянию здоровья – из-за приступов безумия. В октябре 1671 года знакомые с ним люди вспоминали, что «умовредство де ему, Ивашку, учинилос[ь] тому ныне шестой год, и почал забыватца в то время, как он был на государеве службе в первом Динаборском походе, и после де того отца своево Алексея и мат[ь] свою родную хотел саблюю ссечь, а брата своево родного Микиту посёк саблюю, и иконы Божественные и книги словами бесчестил, и за людми гонялся, и в лес бегивал, и говаривал, что он, Ивашко, прощал и исцелял многих людей, и над матерью своею родною хотел неистовственное дело учинит[ь], и сам ножом резался, и, бегая, многие ночи в лесу начевал, и в огонь[ь] бросался, и платье на себе драл».

На основании того, что Иван видел себя целителем не только тел, но и душ людских, можно предположить, что его первоначальное самозванство было религиозным. Видимо, он возомнил себя святым. Эта метаморфоза могла быть связана с массовыми ожиданиями, что в 1666 году воцарится Антихрист, а в 1669-м наступит «конец света»³.

Домов для умалишённых тогда не было, поэтому Клеопин оставался в доме отца. Правда, можно было отдать его в монастырь «до исправления в уме», как это часто делали в России до конца XVIII века, но родные Ивана почему-то так не поступили. Судя по всему, если его и держали взаперти, то не всё время. По крайней мере, он посещал храмы и вместе с другими отмечал церковные праздники.

Весной-летом 1669 года вместе с отцом «был он, Ивашка, на государеве службе во Пскове в полку боярина и воеводы князя Ивана Андреевича Хованского с товарищи в сотне у Семёна Дубровского», а затем вновь обосновался в отцовском поместье.

Не известно, вернулся ли он по окончании службы или же его отпустили раньше срока, но репутация «умовредного» у него сохранилась. Впрочем, это не мешало ему по-прежнему посещать церковные службы и присутствовать на празднествах не только в родном Телбовском, но и в соседнем Мошенском погосте.

Тем не менее болезнь Ивана начала уже не только заботить, но и пугать его отца. Алексей Клеопин стал всерьёз опасаться, что из-за сына лишится своих земель и чина или, того хуже, попадёт в тюрьму. 26 июля 1671 года в Новгороде он подал «изветную челобитную», где заявил, что не должен быть в ответе за проделки своего сына и если тот совершит нечто дурное, то пусть великий государь не подвергает Алексея опале.

Опасения отца сбылись – вскоре после его возвращения Иван совершил государственное преступление, представ перед ним в качестве лжемонарха. Это произошло в их доме или во дворе без свидетелей между 1 и 12 августа 1671 года: «Называл он себя, Ивашко, великим человеком царевичем, а имянно которым царевичем назывался, того он не слышал». Алексей хотел отвезти сына в Новгород и передать властям, но Иван 13 августа убежал в лес.

Самозванец направился в Речь Посполитую. За неделю он пересёк Новгородский уезд по маршруту озеро Валдай – Заозерье – Новая Русса и оказался в Холмском уезде. Случайным попутчиком он представлялся «сыном боярским» Степаном Ивановым сыном Владимировым, а целью своего путешествия называл Невель, где якобы воеводствует его брат Максим.

19 августа на лесной дороге в Моревской волости Холмского уезда к самозванцу присоединились двое холопов – Афонка (Афанасий) и Агейка (Аггей), которые, выполнив поручения своих господ, возвращались в Торопецкий уезд. Они спросили Ивана, кто он и какого чина. Он им привычно назвался Владимировым. Вместе они пришли в деревню Григорову и там заночевали.

Наутро все трое пошли к Ополецкому погосту. Тут Иван Клеопин сказал, что он из Невеля пойдёт к Полоцку. Афонка и Агейка стали его «стращать», рассуждая так: он вроде бы российский дворянин, однако намерен уйти за границу – а ну как он хочет изменить великому государю? В ответ они услышали: «Я де непростой человек – я де царевич Алексей Алексеевич, а иду де я в Литву, а подымат[ь] де мне короля войною, и быт[ь] де мне в Новегороде на царстве».

Лжемонарх доверия не вызвал, но попутчики ему ничего не сказали. Вскоре они его покинули, направившись по домам. Однако Афонка сразу донёс обо всём своему господину князю М. И. Шаховскому. Тот оповестил соседей – князя В. С. Шаховского, П. М. Голенищева, С. И. Коведяева, Г. Н. и М. В. Арбузовых, и все они вместе с дворовыми людьми отправились на поиски самозванца. В тот же день 20 августа «ево, Ивашка, торопчан дворян люди поимали и привели к дворяном ко князю Василью Шаховскому с товарищи...». При задержании самозванец, продолжая играть свою роль, «сказывал им, дворяном, что де быт[ь] ему, Ивашку, в Великом Новегороде царём».

23 августа Клеопина под стражей доставили в Торопец и передали воеводе Г. Ф. Бутурлину. В этот же день арестанта «роспросили» (говоря современным языком, допросили без угроз и насилия), а затем подвергли пытке.

В «роспросе» он заявил: «Зовут де меня Иваном нынечи, а я де царевич Алексей Алексеевич». Потом сообщил, что шёл в Польшу потому, что надеялся там получить военную помощь, и напомнил, что собирается быть царём в Новгороде.

[с. 62]

Не скрыл он и того, что за границу отправился из дома Алексея Клеопина, а пока жил там, открыл своё высокое происхождение двум новгородским дворянам – М. А. Веригину и К. И. Ушакову.

Лжецаревич был настолько уверен в себе, что перед пыткой заявил воеводе: «Как де ты смеешь меня пытатъ – такова великого человека?» Во время же истязаний ничего нового от него не услышали.

19 сентября Иван Клеопин предстал перед следователями, приехавшими в Торопец из Москвы (это были Д. С. Великого-Гагин и Н. Кривской). Их весьма интересовало, нет ли у него сообщников за границей. Ответ Ивана должен был их успокоить: «А пошёл де он в Польшу не по ссылке с литовскими людьми, и из Литовские де стороны никто к нему не писывал». Иван также признался, что с 13 по 20 августа царевичем не назывался.

Этому, скорее всего, можно верить. В остальном же Иван дал волю своей фантазии. Он представил себя не родным, а приёмным сыном Алексея Клеопина. Утверждал, что он хотя и царевич Алексей Алексеевич, но не сын великого государя, а некто иной («А что де царевичь Алексей Алексеевичь был и отыде в вечное блаженство, и он де, Ивашко, тем не называетца, а называл де ево, Ивашка, Алексей Клеопин иным царевичем Алексеем Алексеевичем»). Свою завышенную самооценку он объяснил тем, что его звал «великим человеком царевичем» Алексей Клеопин, причём были указаны два десятка свидетелей, при которых будто бы это происходило. Иван рассказал и о том, что посторонние тоже звали его царевичем, а перед некоторыми он и сам так назывался. Попутно он обвинил своего бывшего учителя попа Григорьева в «еретичестве» – якобы об этом говорили люди, но лично Иван «еретичеству не учился».

Позднее все лица, которых самозванец назвал, полностью опровергли его показания, да и сам он повинился в поклёпе. Тем не менее его измышления представляют интерес как особый вариант самозванческой мифологии, отражающей некоторые черты массового сознания в России в XVII столетии.

Если сложить воедино записанные на следствии отдельные фрагменты мифической биографии лжецаревича, то получится вот что.

Алексей Клеопин со своей женой то называли Ивана своим сыном, то говорили, что он им чужой – дескать, его принесли «в пелёнках» ещё до крещения из Москвы и отдали им на воспитание. А принёс-де его житель Телбовского погоста бобыль Григорий Абакумов – отец уже упоминавшегося попа Григорьева. С тех пор и «называл ево, Ивашка, он, Алексей, царевичем Алексеем Алексеевичем, что во младенчестве родился».

В октябре 1668 года из Новгорода в Телбовский погост приехал Веригин и будто бы захотел познакомиться с Иваном. При встрече тот впервые открыто заявил, что он царевич Алексей Алексеевич. Эти же слова Иван якобы повторил 8 сентября 1669 года в Мошенском погосте перед новгородцем Ушаковым в ответ на его расспросы.

После этого самозванец был в Мошенском погосте, и там дворянин П. Ф. Лупандин вроде бы называл его «царём» в присутствии Д. Г. Чоглокова. «И он де, Ивашка, ево, Петра, за то и за бороду драл при нём, при Даниле». (Что тут могло вызвать гнев у Ивана Клеопина? Разве только то, что его назвали царём раньше времени – до восшествия на трон).

8 сентября 1670 года всё в том же Мошенском погосте в церкви Спаса Преображения состоялась вторая встреча Ивана с Ушаковым. Последний при свидетелях, дескать, признался, что был в Москве и получил там указ великого государя: «Велено де тебя, Ивашка... роспросит[ь], какой де ты человек». Разумеется, Иван опять назвался царевичем Алексеем Алексеевичем.

В начале 1671 года, если верить самозванцу, его тётка Анисья при муже и при девере передала ему слова попа Григорьева: «Такой де он великой человек, а не умеет за себя стат[ь]».

6 августа 1671 года в Телбовском погосте на крыльце храма Спаса Преображения при пяти свидетелях самозванец будто бы объявил, что намерен пойти в Польшу, раскрыть своё великое происхождение и подговорить поляков, «чтоб шли против великого государя на Луки Великие войною». Ответ прозвучал как напутствие: «Куды де себе хочеш[ь], туды и поди».

Вскоре после этого Иван занимался вырубкой леса на пустоши вместе с четырьмя холопами Алексея Клеопина – бывшими жителями Речи Посполитой, и они якобы называли его царевичем. На это он им объявил, что скоро пойдёт в Польшу. Тогда они ему будто бы сказали: «И мы б де с тобою пошли в Польшу». Но он ответил, что они ему не надобны.

От мифической ипостаси Иван отказался на очных ставках с «оговорными людьми» между 2 и 11 октября 1671 года. Своё саморазоблачение он продолжил и закрепил 30 октября: «А с пытки говорил: отец де у него родной – новгородец Алексей Кирилов сын Клеопин дворянские породы, а сродники де у него – дядя ево родной новгородец Фёдор Клеопин. А непристойным де именем царевичем Алексеем Алексеевичем почал называтца собою, потому что умовреден наветом дьяволским, а никто ево на такое воровство не научал – учинил собою, и ни с кем не мыслил, и в Полшу было пошел собою... А никто ево не послал, и ни с кем о том не мыслил же, и никто про то не ведает...»

Хотя следователи тоже пришли к выводу, что «вор Ивашко умовреден», приговор ему был вынесен без учёта этого обстоятельства. Царским указом в Торопец от 29 ноября 1671 года повелевалось Ивана Клеопина «в торговой день при многих людех казнить смертью – повесить за городом по Полоцкой дороге позад[и] слобод, где пригож[е], не в далних местех, и с виселицы ево не снимать до тех мест, покаместо згниёт». Приговор был приведён в исполнение 8 декабря.

Родным самозванца тоже не поздоровилось. Указом от 20 декабря 1671 года было велено Алексея Клеопина с женою и детьми сослать в Сибирь на вечное житьё, а его земли конфисковать. Указ был исполнен 20 января 1672 года. Около пяти лет Алексей и два его сына (Никита и Степан) служили детьми боярскими в Енисейске. Затем родитель самозванца подал прошение о помиловании и получил его по царскому указу от 13 ноября 1678 года.

Источники

РГАДА. Ф. 210. Оп. 13 (Столбцы Приказного стола). Д. 341, 541.

Литература

Лукин П. В. Народные представления о государственной власти в России XVII века. М. 2000. С. 124–125.

Соловьёв С. М. Самозванец Ивашка Клеопин // Архив исторических и практических сведений, относящихся до России. Кн. 1. Отдел V. СПб. 1860. С. 1–2.

Соловьёв С. М. Соч. Кн. 7. М. 1991. С. 128–129.

Примечания

¹ Усенко О. Г. Самозванчество на Руси: норма или патология? // Родина. 1995. № 1. С. 53–57; Он же. Психология социального протеста в России XVII–XVIII вв. Тверь, 1996. Ч. 3. С. 36–52; Он же. Монархическое самозванчество в России в 1762–1800 гг. // Россия в XVIII столетии. Вып. 2. М. 2004. С. 332–333.

² Динабург (Двинск) – польский город-крепость на правом берегу Западной Двины. В 1655 г. он был взят шведами, а в 1656 г. – российскими войсками, но в 1667 г. по условиям Андрусовского перемирия вновь отошёл к Польше.

³ Никольский Н. М. История русской церкви. М. 1985. С. 159–160, 166–167; Шамин С. М. В ожидании конца света в России (конец XVII – начало XVIII в.) // Вопросы истории. 2002. № 6. С. 134–136.